

Редакционная коллегия:

Б. И. Козлов (и. о. главного редактора),
В. В. Бабков, Вл. П. Визгин, В. А. Волков,
В. Л. Гвоздецкий, В. Г. Горохов, С. С. Демидов, Ю. А. Жданов,
С. Г. Кара-Мурза, В. П. Карцев, С. П. Капица, В. Ж. Келле,
В. И. Корюкин, В. И. Кузнецов, А. М. Кулькин, Л. А. Маркова,
С. Т. Мелюхин, В. М. Орел, С. Я. Плоткин, Л. С. Полак, А. И. Половинкин,
Б. В. Раушенбах, И. А. Резанов, В. Н. Сокольский, А. Л. Тахтаджян,
Д. Н. Трифонов, А. Н. Шамин, М. Ю. Шевченко (ответственный секретарь),
Б. Г. Юдин, М. Г. Ярошевский

Адрес редакции: Москва, 103012, Старопанский пер., 1/5.

Телефоны: 928-11-90, 928-45-40, 928-10-29

Заведующая редакцией *М. М. Королёва*

Общие проблемы развития науки и техники

Р. К. БАЛАНДИН

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ ОТ БЕРДЯЕВА

Машина победила человека:
Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умащать промежности елеем,
Кормить углем и принимать помет.
И стали ей тогда необходимы:
Кишащий сгусток мускулов и волю,
Воспитанных в голодной дисциплине,
И жадный хам, продешевивший дух
За радости комфорта и мещанства.

Максимилиан Волошин. 1922 г.

Свобода, необходимость и НТР

Представления Н. А. Бердяева о феномене техники интересны прежде всего как позиция философа-публициста религиозного толка. Он был последовательным противником любых форм материализма, видя в них признание духовного закабаления личности необходимостью законов косной материи. Точка зрения, отдающая приоритет духовной свободе человека и бытию Бога, представляет особый интерес именно в конце XX в. Техническая цивилизация продемонстрировала величие человеческого интеллекта и труда, изобретательности и воли. Но одновременно выявились трагические последствия технизации для физического и духовного здоровья человека.

Более полувека назад Бердяев утверждал: «Главная космическая сила, которая сейчас действует и перерождает лицо земли и человека, дегуманизирует и обезличивает его, есть... техника... Наша эпоха стоит прежде всего под знаменем техники и может быть названа технической эпохой» [1, с. 50].

Этот вывод противоречит концепции ноосферы, выдвинутой приблизительно в то же время В. И. Вернадским. Владимир Иванович воспользовался термином и идеей Э. Леруа и де Шардена, постаравшись остаться на позициях естествознания и предположив человечество своеобразным геологическим агентом. По мнению Вернадского, «мы живем в небывало новую, геологически яркую эпоху. Человек своим трудом — и своим сознательным отношением к жизни — перерабатывает земную оболочку — геологическую оболочку жизни, биосферу. Он переводит ее в новое геологическое состояние: его трудом и сознанием биосфера переходит в ноосферу» [2, с. 56]. Справедливости ради отметим, что еще в начале века выдающийся английский океанолог Дж. Мёррей писал: «Можно даже всю планету рассматривать как одетую покровом живого вещества. Давши нашему воображению немного больше свободы, мы можем сказать, что в пределах биосферы, у человека, родилась сфера разума и по-

нимания, и он пытается истолковывать и объяснять космос; мы можем дать этому наименование психосферы» [3, с. 136].

В концепции ноосферы, или психосферы (Вернадский писал еще о «геологической психозойной эпохе» (см. об этом [2, с. 54]), феномен техники отходит на второй план; подчеркивается значение человеческого разума, сознания, научной мысли. И это — с позиций натуралиста, признававшего примат материи над сознанием. Парадоксальным образом идеалист Бердяев провозглашал решающую роль техники — материального воплощения человеческого труда и мысли — в современную историческую эпоху.

Представления о сотворении на Земле ноосферы, где рационально, по научным канонам организованному человечеству соответствует подобная же природная среда, не подтвердились в ходе современной цивилизации. Например, еще в конце 1944 г. Вернадский утверждал, что человечество входит в ноосферу [2, с. 220]. С той поры множество фактов, прежде всего катастроф экологических и социальных, опровергли столь оптимистический прогноз. А потому приходится вновь, уже без гуманистических иллюзий, осмысливать суть техники на планете и в космосе, в социальной и духовной жизни.

Н. А. Бердяева интересовали такие проблемы, как человек и Бог, свобода и необходимость, дух и материя, мир и личность, любовь и рабство, добро и зло, косность и творчество. Анализ этих категорий, этих проявлений реальности вызывал необходимость выработать определенный комплекс взглядов на техническую деятельность человека. Мы в некоторой степени условно назовем эти не всегда последовательные и порой противоречивые представления «философской техники от Бердяева», с учетом того, что он преимущественно постулировал, провозглашал свои идеи, пренебрегая доказательствами, столь обязательными в науке и философии. (Быть может, тем самым он на деле утверждал творческую свободу, ибо доказательство, по его мнению, есть одна из форм принуждения, торжества необходимости.)

Истоки представлений Бердяева о феномене техники можно обнаружить в его ранних крупных работах «Философия свободы» (1911) и «Смысл творчества» (1914). Он выделяет два типа мироощущения и мироотношения: магический и мистический. Первый пребывает «в сфере необходимости, не выходит из заколдованности естества»; второй преодолевает эту необходимость, прорываясь «в свободу божественной жизни» [4, с. 13]. Переход от первого типа ко второму в истории человечества он связывает с христианством, которое «освободило языческий мир от демономании... механизировало природу и тем открыло путь для подчинения природы» [4, с. 62].

Бердяев стремится прежде всего к постановке проблемы, мало заботясь о непротиворечивости собственных суждений. Так, научное знание, а стало быть, и его материальное воплощение в технике он считает ограничением свободы: «Доказательством, которым так гордится знание, всегда есть насилие, принуждение» [4 с. 45]. В таком случае, если «именно христианство расчистило духовно почву для развития научного естествознания и техники» [4, с. 62], а научно-технический прогресс упрочает сферу несвободы, так как «наука есть послушание необходимости» [4, с. 267], стало быть, христианство содействовало духовному закабалению человека? Тем более, что в языческом мировосприятии мир предстает живым, одухотворенным организмом, тогда как научная «механизация мира» подчиняет его неотвратимым законам бытия косной материи. Следовательно, становление на Земле ноосферы должно означать подавление свободы и даже творчества. Ведь «творчество не есть приспособление к этому миру ...творчество есть переход за грани этого мира и преодоление его необходимости» [4, с. 384], а ноосфера призвана организовать бытие по непреложным законам науки. Но с другой стороны, разве научно-техническое творчество не есть проявление духовной, интеллектуальной энергии человека, не является самым настоящим творчеством? И каким образом, если не с помощью науки и техники, можно осуществить пожелание Бердяева: «Природа

должна быть очеловечена, освобождена, оживлена и одухотворена человеком. Только человек может расколдовать и оживить природу» [4, с. 306].

Такое нагромождение тезисов и антитезисов сложно привести в логически стройную систему. Бердяев к этому и не стремился. Однако в последующих работах он неоднократно возвращался к подобным вопросам, расширяя и углубляя свои представления о роли техники в судьбе человека.

Эпоха техники

Не обращая внимания на такие проблемы, как взаимосвязь техники и науки, классификация технических систем, определение понятия «техника», закономерности технического прогресса, Бердяев стремится осмыслить феномен техники в контексте материальной и духовной культуры. Его интересуют три проявления техники: в истории общества, в истории Земли и космоса, в духовном мире человека. Это как бы проекции единого объекта на три плоскости (общество — природа — личность). Впервые наиболее полно высказал Бердяев подобные взгляды в своей книге «Смысл истории» (1923).

Вновь подчеркнем: для Бердяева очевиден примат сознания над материей: «Вся экономическая жизнь человечества имеет духовный базис, духовную основу» [5, с. 23]. С этой позиции человеческая история разворачивается как борьба свободы духа с необходимостью природы, творческого разума с косной материей. Вообще выявление и поляризация подобных противоречий отвечает дуалистическому миропониманию Бердяева, а также его склонности к парадоксам. В результате вырисовывается такая схема главных исторических этапов развития человека и общества. На первом этапе человек оставался частью природы, ощущая свою зависимость от демонов стихий. «Образ человека был подобен не высшей божественной природе, а низшей природе, населенной элементарными духами» [5, с. 135]. На втором этапе победа христианского мировоззрения предоставила человеку духовную свободу, подвигая его на борьбу с природой и в человеке и вне его. «Последствия этого очень парадоксальны по внешности. Результат и последствия христианского периода — механизация природы... Позже (на третьем этапе.— Р. Б.), на заре новой истории, началось техническое воздействие на природу, началась механизация природы, связанная с восприятием природы как мертвого механизма, а не живого организма... Для того чтобы вернуть человеку свободу и дисциплинировать его, выделить человека из природы и возвысить, христианство механизировало природу... Только христианство сделало возможным позитивное естествознание и позитивную технику» [5, с. 138].

Любопытно, что сам Бердяев оставался на традиционно христианской позиции, резко отделяя в природе творческий дух и косную материю. А ведь еще В. С. Соловьев утверждал: «Между реальным бытием духовной и материальной природы нет разделения, а существует теснейшая связь и постоянное взаимодействие, в силу чего и процесс всемирного совершенствования, будучи богочеловеческим, необходимо есть и *богоматериальный*» [6, т. 1, с. 267]. И еще: «Верить в природу — значит признавать в ней сокровенную светлость и красоту, которые делают ее *телом Божиим*. Истинный гуманизм есть вера в *Богочеловека*, и истинный натурализм есть вера в *Богоматерию*» [6, т. 2, с. 314—315].

Отметим одну очень важную и не очень новую идею, определяющую такой взгляд на дух и материю: не преобладание, не примат одного над другим, а естественная взаимосвязь. Реальная природа, подобно живому человеку, представляет собой неразрывное единство сознания (Духа) и материи. Дуалистическая позиция в этом вопросе неизбежно влечет за собой «механизацию природы», ибо расчленяет Богоматерию, противопоставляя «душу и тело»; и не существенно, какому из двух этих компонентов отдается предпочтение — душе (христианство) или телу (атеизм).

Обратим внимание и на то обстоятельство, что Бердяев, анализируя историю человечества, откровенно европоцентричен. Тем более, когда говорит о первых двух этапах духовного развития. Бесспорно, в новое время христианские страны вышли на передовые позиции в науке и технике. Однако можно было бы вспомнить об «арабском возрождении» и более раннем — китайском. Вообще, технизация материальной и духовной жизни, победа механистического мировоззрения в своей первооснове связана, по-видимому, прежде всего с успехами науки, просвещения. Христианство лишь содействовало этому процессу. А определялся он становлением научного мировоззрения, о чем убедительно писал В. И. Вернадский [9, с. 52, 78]. Он, в частности, выделял как важнейший рубеж открытие и распространение книгопечатания: «Книгопечатание явилось тем могучим орудием, которое охранило мысль личности, увеличило ее силу в сотни раз и позволило в конце концов сломить чуждое мировоззрение» [9, с. 81]. Столь же революционное влияние имели великие географические открытия (характерно, что научный подвиг Колумба был одухотворен его верой в свое призвание как христианского миссионера), а также становление классической механики.

Итак, нетрудно оспорить обоснование Бердяевым важнейших этапов истории человечества. Однако сама по себе такая этапность отвечает реальности. Тем более это относится к третьему периоду, начало которого Бердяев относит к позднему Возрождению с его кризисом гуманизма и к эпохе Просвещения. «Вхождение машины» — так он определяет это время [5, с. 178], «переход к механическому и машинному складу жизни» [5, с. 180]. «По моему глубокому убеждению, произошла величайшая революция, какую только знала история, — кризис рода человеческого... Я говорю о перевороте, связанном с вхождением машины в жизнь человеческих обществ. Я думаю, что победоносное появление машины есть одна из самых больших революций в человеческой судьбе. Мы еще недостаточно оценили этот факт» [5, с. 181]. Как мы уже упоминали, некоторые ученые сумели верно оценить этот факт, хотя и толковали его по-своему. Например, В. И. Вернадский в начале века исследовал геохимические преобразования земной природы человеком, добавляя: «Еще большее влияние оказывает человек полным изменением лика Земли, которое производится им во все больших и больших размерах по мере развития культуры и распространения влияния культурного человечества. Земная поверхность превращается в города и культурную землю и резко меняет свои химические свойства» [8, с. 36]. Несколько позже А. Е. Ферсман дал очень точное определение этому процессу — техногенез [9, с. 296—308]. И если Вернадский и Мёррей выделяли роль разума, сознания в наступившую новую эпоху перестройки человеком биосферы (ноосфера, психозойская эра), то Бердяев и независимо от него Ферсман имели в виду прежде всего технику — материальное воплощение разума, знаний, труда человека. Действительно, именно техническая деятельность человека (в широком смысле: применение технических средств и технологий) явилась глобальной геологической силой. Поэтому вполне логично для области ее проявления употреблять термин «техносфера» [10, с. 181—185; 11], а для времени господства техники (техногенеза) на планете «технозой», «технозойская эра» [12, с. 291].

Космизм техники

В изложении Бердяева вхождение машины в человеческую судьбу приобретает мистический оттенок. Философ воспринимает технику как искушение властью над природой, как явление не только земное, но и космическое. В одной из последних своих работ — «Царство Духа и царство Кесаря» — Бердяев посвятил целую главу теме «Человек и космос. Техника». Он пишет: «Возникла новая реальность, отличная от природной неорганической реальности и от природной органической реальности... Поистине машина и техника имеют космогоническое значение. Это новый день творения и новая ночь его» [13, с. 41].

Подобные идеи даже в ту пору не были оригинальными. О возможностях технического освоения космоса писал, например, К. Э. Циолковский, предполагая даже владычество во Вселенной неведомых разумных сил — не в мистическом, а в техническом воплощении. Иначе оценивал космизм техники В. И. Вернадский: «Изменяя характер химических процессов и химических продуктов, человек совершает работу космического характера... Человек... вызывает на земной поверхности новые и энергические химические изменения, до него в природе отсутствовавшие» [8, с. 36].

В наше время выхода техники и человека в космическое пространство — околоземное и инопланетное — теряется, скрадывается осознание техники как нового, необычайного явления мироздания. И если с геохимических позиций техногенез виделся объективным процессом в ряду других стихийных сил природы, то Бердяева прежде всего интересовало взаимоотношение этой новой космической реальности и человека. С одной стороны: «Органическая, естественная среда человека — земля, растения, животные и пр. — может быть убита техникой» [13, с. 39]. С другой: «Романтическое отрицание техники бессильно и реакционно. Нужно не отрицать научные открытия, а духовно овладеть ими» [13, с. 42]. Однако, поставив этот вопрос, философ не предложил каких-либо конкретных вариантов его решения.

Более глубоко и новаторски осмыслил Бердяев другой аспект космизма техники. Он ввел понятие организованной (искусственно, техногенно. — Р. Б.) материи, организованных тел. Об этом он наиболее подробно писал в статье «Человек и машина» и в книге «Судьба человека в современном мире». Вот некоторые из его высказываний.

«Новая природная действительность, перед которой ставит человека современная техника, совсем не есть продукт эволюции, а есть продукт изобретательности и технической активности самого человека... С этим связан смысл всей технической эпохи. Господство техники и машины есть прежде всего переход от органической жизни к организованной жизни... Техника разрушает старые тела и создает новые тела, совсем не похожие на тела органические, создает тела организованные» [14, с. 151]. «Кроме тел неорганических и тел органических появились еще тела организованные, которые образовались... из мира истории, цивилизации... Техника есть переход от органической, животнорастительной жизни к жизни организованной. И это соответствует выступлению в истории огромных масс и коллективов. Человек перестает жить прислоненным к земле, окруженным растениями и животными. Он живет в новой металлической действительности, дышит иным, отравленным воздухом. Машина убийственно действует на душу, поражает прежде всего эмоциональную жизнь, разлагает целостные человеческие чувства... Современные коллективы не органические, а механические. Современные массы могут быть организованы лишь технически, власть техники соответствует демократическому веку. Техника рационализирует человеческую жизнь, но рационализация эта имеет иррациональные последствия» [1, с. 51—52].

Позиция Бердяева представляется верной, потому что техника по сути своей является уникальным, невиданным, новым объектом мироздания или, как говорят естествоиспытатели, природным телом. Своеобразие этого объекта особенно ярко проявилось во второй половине нашего века: создание и распространение компьютеров можно назвать интеллектуализацией техники. Системы техноинтеллекта [15, с. 47] обрели относительную автономию, в частности при исследованиях космического пространства. Понимание великих возможностей технического прогресса, а не только его опасностей выразилось в таких выводах Бердяева: «Техника есть обнаружение силы человека, его царственного положения в мире, она свидетельствует о человеческом творчестве и изобретательности и должна быть призвана ценностью и благом... Оправдание техники в широком смысле этого слова есть оправдание культуры. <...>

Поразительные успехи физики и основанной на ней техники приводят к обнаружению в мире новой, неведомой до того действительности. Обнаруживается в мире действие сил, которых не только раньше не знал человек, но которых и не было в мире, которые скрыты были в глубине природы. Через человека, через человеческое знание и изобретение меняется космос. Действительность, которая создается через технику, есть уже совсем не та действительность, которой раньше был окружен человек и которую он старался познать» [16, с. 243, 244].

В создании человеком техники Бердяев усматривает проявление творческой мощи, отражающей не только земную, но и божественную природу: «Образ и подобие Творца не может не быть творцом» [5, с. 340]. Человеком создается новый мир, духовным центром которого является личность, а материальным — новая космическая субстанция, названная Бердяевым «организованной».

Как известно, В. И. Вернадский разделял живое и косное вещество [8 и др.]. В таком случае, развивая взгляды Бердяева, следует выделить искусственно организованное техническое вещество, или техновещество, обладающее специфическими качествами, в частности высокой геохимической активностью [17, с. 109—116]. Как бы мы ни оценивали роль техновещества в биосфере и человеческой судьбе, важно учитывать сам факт его появления, стремительного развития и превращения в космическую силу.

Этика технического прогресса

Бердяев подчеркивал: техника есть важный элемент материальной культуры, неотрывно связанной и с культурой духовной через науку, эстетику, даже религию (вспомним о значении средневекового христианства для технического прогресса). Однако использование техники предполагает самые разные возможности, включая крайние формы зла: истязание и истребление людей, уничтожение жизни на Земле. Таким образом, техника есть проявление не только интеллекта, воли, труда человека, но и его нравственности.

Такой достаточно очевидный вывод лишь предваряет дальнейшее развитие мысли Бердяева. Его интересует влияние техники, машин на духовный строй, внутренний мир личности. Он предпочитает резкие формулировки: «С одной стороны, техника обозначала материализацию и механизацию человеческой жизни, ослабление духовности. Но с другой стороны, техника имеет и совершенно другое значение, она есть дематериализация и развоплощение, и она раскрывает возможности большего освобождения духа» [16, с. 245]. Каким образом совмещаются ослабление духовности, механизация жизни с дематериализацией и освобождением духа? Что же все-таки преобладает? Бердяев не ставит этот вопрос. Для него в соответствии с давней христианской традицией человек искушаем властолюбием и стяжательством, имея свободу выбора жить в добре или во зле: «Власть человека над стихийной природой может служить или делу Божьему, или делу дьявольскому, но она не может уже быть нейтральной. И потому необходима этика техники, этизация всего нашего отношения к технике... Это есть космическая сторона этики» [там же].

Как и подобает при разборе этических проблем, Бердяев от реальности, данности бытия переходит к идеалу, долженствованию: «Этика творчества должна признавать успехи техники положительной ценностью и благом, обнаружением творческого призвания человека в мире и свободы его духа. Но этика должна и ясно увидеть, что техника несет с собой величайшие опасности нового порабощения и унижения человеческого духа. Это значит, что нужно пробудить напряженную нравственную энергию в отношении к технике, преодолеть нейтральное отношение к ней» [там же]. При этом он оговаривается, что не имеет в виду отказ от техники и призывы к возврату в девственную природу. Под «этизацией техники» Бердяев понимает создание и использование ее во благо людям. В наше время это наиболее актуально проявляется в экологизации техники и технологий. Кстати, происходит это не в ре-

зультате напряжения нравственной энергии, а перед лицом обостряющегося глобального экологического кризиса. В данном случае выбор человека определяется в значительной степени необходимостью.

Техногенный человек

Итак, человек — творец, образ и подобие Бога. Но создав технику и преобразив посредством ее окружающую природу, человек вынужден приспособляться к новой среде, и «начинается новая зависимость человека от природы, от новой природы, технически-машинная зависимость» [14, с. 151]. Иначе говоря, возникает система с обратной связью. Но если обычно исследователи обращали и обращают внимание на материальное взаимодействие человека и окружающей природы, то Бердяев выделял менее очевидное духовное взаимодействие. Об этом он писал неоднократно. По его мнению, человек, теряя образ и подобие Божие, превращается в образ и подобие машины: «Жизнь делается все более и более технической. Машина налагает печать своего образа на дух человека... В цивилизации само мышление делается техническим, всякое творчество и всякое искусство приобретает все более и более технический характер... Цивилизация есть подмена целей жизни средствами жизни, орудиями жизни... Машина получила магическую власть над человеком» [5, с. 260, 262].

Формируется новый тип человека, соответствующего техногенной среде. Это, быть может, самое тяжелое, наиболее трудно преодолимое последствие технизации области жизни и самого бытия человека. При таком «техногенном человеке» [17, с. 144] приобретает внутреннюю устойчивость и законченность система техносферы, преобразованной в процессе техногенеза биосферы.

Проблема механизации человеческой личности, получившая у Бердяева трагическое звучание, была с полной определенностью поставлена впервые, насколько мне известно, итальянским писателем, одним из основателей футуризма, Филиппо Томмазо Маринетти в 1912 г.: «Кончилось господство человека. Наступает век техники! Но что могут ученые, кроме физических формул и химических реакций? А мы сначала познакомимся с техникой, потом подружимся с ней и подготовим появление МЕХАНИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА В КОМПЛЕКТЕ С ЗАПЧАСТЯМИ» [18, с. 168]. По-видимому, Бердяев обратил внимание на это высказывание, но переосмыслил его, написав два года спустя: «Все материально-родовое, ветхо-органическое имеет футуристически-технический, механический конец» [5, с. 261].

Для Бердяева торжество технической цивилизации означало стандартизацию человеческой жизни и личности, господство мещанских идеалов материального благополучия, отстранение механического человека от духовной культуры. Но с подчинением технике, с потерей самобытности теряется смысл человеческого существования. О такой возможности Бердяев пишет в стиле научно-фантастических сочинений: «Иногда представляется такая страшная утопия. Настанет время, когда будут совершенные машины, которыми человек мог бы управлять миром, но человека больше не будет. Машины сами будут действовать в совершенстве и достигать максимальных результатов. Последние люди сами превратятся в машины, но затем и они исчезнут за ненужностью и невозможностью для них органического дыхания и кровообращения... Природа будет покорена технике. Новая действительность, созданная техникой, останется в космической жизни. Но человека не будет, не будет органической жизни» [14, с. 157].

Если учесть ускоренную автоматизацию производства и стремительную компьютеризацию, разработку сложнейших систем искусственного интеллекта, то нарисованную выше картину можно признать правдоподобной. Тем более, что технизация природной среды, механизация быта и труда, индустрия развлечений — все это содействует формированию и выживанию именно «механического», техногенного человека (медицинская техника предоставляет ему

и комплексы запчастей). Для него духовная культура представляется излившемся. Полноту бытия он находит в комфортности быта и необременительности труда. И то, и другое ему обеспечивает техника. Расширяя и удовлетворяя материальные потребности человека, она сужает его духовный мир. «Индустриальная техническая цивилизация, — утверждал Бердяев, — являет собой все возрастающее цивилизованное варварство... Свойства цивилизации технической таковы, что ею может пользоваться варвар совершенно так же, как и человек высокой культуры» [19, с. 102].

Явление нового техногенного (механического) человека в его гармонии с окружающей техногенной средой, подмеченное Маринетти и осмысленное Бердяевым, заслуживает серьезного внимания. В такой механической гармонии упрощенной, клишированной личности, технических систем и техногенной среды видится закономерный финал современной цивилизации. Для Бердяева с его христианской эсхатологией подобный трагический (с точки зрения человека) финал представляется вполне естественным. Более того, трагического финала вполне достойно человечество, избравшее путь «по дьяволу».

Однако Бердяева совершенно не устраивает предопределенность, господство необходимости. Для него человек искушаем техникой, соблазном обретения власти над природой за счет закабаления техникой, а материального благополучия — за счет оскудения духовности. (Вспоминается знаменитая поэма «Великий инквизитор» из романа «Братья Карамазовы», а также евангельское предание об искушениях Христа.)

Какие же пути преодоления власти техники предполагает Н. А. Бердяев?

Царство Духа

Проще всего назвать то, что, по мнению Бердяева, не помогает преодолеть демоническую мощь техники. Это — науки, гуманистические идеалы, социализм, капитализм, коммунизм... На этот счет у него имеется немало категорических высказываний. Приведем лишь некоторые из них.

«Человек стал бескрылым... Наука мельчает и разъедается рефлексией... Начинается кризис философии, внутреннее бессилие...» [5, с. 213]. «Технизация жизни есть вместе с тем ее дегуманизация. Старый гуманизм бессилен перед могущественным техническим прогрессом» [13, с. 45]. «Гуманизм с роковой неизбежностью приводит в XIX веке к позитивному, к принудительному водворению человека на ограниченную территорию данного природного мира... Но в этом мире человек — раб необходимости, бесконечно малая часть огромного механизма природы» [4, с. 320]. «В капитализме, в технической цивилизации XIX века началась уже механизация жизни, обезличение человека, превращение человека в средство материального преуспевания, ослабление духовности» [20, с. 48]. «Кошмар и ужас русского марксизма заключается прежде всего в том, что он несет в себе смерть человеческой личности, человеческой свободы. Коммунизм есть отрицание не только Бога, но и человека» [20, с. 47]. «Маркс совсем не предвидел размеров головокружительного нарастания изобретений и открытий, покорения природы наукой, наступления нового века. Он целиком принадлежит XIX веку, который искал решения социального вопроса исключительно классовой борьбой и социалистическими перераспределениями» [20, с. 50].

В сущности, Бердяев отрицал все социально-экономические формы проявления современной научно-технической цивилизации. Это было принципиальное неприятие общего для этой цивилизации положения о примате материальных потребностей над духовными, экономики над культурой. В традициях русской интеллигенции XIX в. Бердяев писал об этом так: «Духовные иллюзии культуры порождены были неорганизованностью жизни, слабостью ее техники. Эти духовные иллюзии исчезают, преодолеваются, когда цивилизация овладевает техникой... В самой действительности обнаруживается господство экономизма... Цивилизация по природе своей технична, в цивилизации всякая

духовная культура есть лишь надстройка» [5, с. 257].

Однако Бердяев не мог не считаться с реалиями XX в., а потому был против и неприятия научно-технического прогресса, равно как и приспособления человека к нему: «Бессмысленно стремление к отрицанию техники. Нужно не отрицать технику, а подчинить ее духу.. Моральное и духовное развитие не соответствует техническому развитию... Только через духовное начало, которое есть связь человека с Богом, человек делается независимым и от природной необходимости, и от власти техники. Но развитие духовности в человеке означает не отвращение от природы и техники, а овладение ими» [13, с. 46, 47].

Подобные высказывания, неоднократно встречающиеся в сочинениях Бердяева, к сожалению, лишены конструктивности. С ними нетрудно согласиться. Но как их реализовать? Каким образом разорвать замкнутый круг взаимосвязей, где человек посредством техники перестраивает окружающую природу, техногенная среда творит «механического человека», а он уже по своему образу и подобию продолжает механизировать природу?

В такой обобщенной схеме трудно обнаружить слабое звено. Правда, еще Ф. Ницше полагал: «Когда власть над природой добыта, то этой властью можно воспользоваться, чтобы трудиться над дальнейшим развитием самого себя: воля к власти как самоповышение и усиление» [21, с. 171]. Но XX в. определенно выявил иллюзорность человеческой власти над природой не только в экологическом аспекте, но и в плане возможностей для саморазвития, о чем убедительно писал, в частности, А. Швейцер [22, с. 11, 42—76].

По-видимому, Бердяев ощущал, понимал прочность цепи, которую желал бы разорвать (человек — техника — природа — техногенный человек — техника — техногенная природа —...). Не потому ли он предлагал насильственный, революционный выход? «Состояние современного мира прежде всего требует революции духовной и моральной, революции во имя человека, во имя личности, во имя всякой личности. Эта революция должна восстановить иерархию ценностей, которая совершенно нарушена, поставить ценность человеческой жизни выше идолов и кумиров производства, техники, государства, расы и национальности, коллектива» [1, с. 52]. Но ведь и это — декларация, призыв, который нет нужды критиковать, ибо он не подкреплен никакими доводами и рекомендациями по его претворению в жизнь.

Вновь и вновь звучит у Бердяева тема искушения техникой, преодолеть которое можно силой духа и самоограничением: «В технике обнаруживается разделяющая и выявляющая сила для человеческого духа, и этически положительное отношение к технике неизбежно предполагает аскезу в человеке, аскезу духа по отношению к похоти жизни, которой техника всегда готова служить. Техника имеет свою эсхатологию, обратную христианской, — завоевание мира и организацию жизни без Бога и без духовного перерождения человека» [16, с. 246]. Остается уповать на спонтанное восстание человеческого духа, внутренний духовный кризис личности, стремящейся к новым высотам самопознания и самопроявления, преодолевающей в себе и природного, и техногенного человека: «Человеку цивилизации со всеми его недостатками противостоит не природный человек, а духовный человек. Цивилизация находится между царством природы и царством свободы, это промежуточное царство. И вопрос не в том, чтобы идти от цивилизации к природе, а в том, чтобы идти от цивилизации к свободе» [19, с. 100]. Таким видится Бердяеву начало притяжения царства Духа на земле.

Две проблемы

В предисловии к статье Н. А. Бердяева «Человек и машина» Е. В. Барбанов отметил: «У Бердяева необычайно широкий горизонт, позволяющий разом охватить многие аспекты проблемы, но при этом крайне узкий спектр прояснен-

ности, конкретной философской проработанности самой проблемы. И это понятно: его занимает не столько мысль о мысли в отношении каких-либо предметов или объектов, сколько сами объекты... В результате и предмет, и образ предмета, и мысль о них оказываются почти тождественными, слившимися и оттого застрявшими между гениальными догадками и тривиальностью» [14, с. 147]. При всей справедливости такого упрека в нем усматривается привычная для нашего времени склонность к решениям четко поставленных проблем, причем в весьма жестких системах: математических (для наук технических или естественных) или диалектического материализма (для философии). Подобная позиция типична для второй половины XX в. — поры грандиознейших технических свершений и достаточно скромных успехов научно-теоретической мысли. А творчество Бердяева пришлось на период необычайного подъема именно теоретической науки (Пуанкаре, Вернадский, Павлов, Эйнштейн, Бор...), когда ставились крупнейшие проблемы космогонии, микромира, пространства — времени, жизни на Земле и в космосе, человеческой психики, познания. В этом ряду и следует, по-видимому, рассматривать идеи Бердяева, связанные с философией техники. (Напрашивается нестрогая аналогия с апориями Зенона). Бердяев ставит важнейшие проблемы нарочито остро, многопланово, подчас парадоксально, не претендуя на их конкретную убедительную разработку. Тем более, что для него характерен самобытный научно-философско-религиозный подход к познанию бытия, соединяющий в единой концепции самые разные понятия, говоря его словами, царство Духа и царство Кесаря, Бога и Природы. И то, что его интересовали не столько научные и философские понятия, сколько реальные объекты, позволило ему по достоинству оценить вхождение техники в человеческую историю и феномен техники как нового, своеобразного природного тела. Так появляется возможность перейти от философских рассуждений к научным разработкам.

Хотелось бы особо выделить две поставленные Бердяевым и не решенные им — даже в самом общем виде — проблемы: 1) соотношение свободы и необходимости в научном творчестве и его технических воплощениях; 2) возможность перестройки гармоничной системы «техногенный человек — техногенная природа».

1. Открывая законы природы (что предполагает систему научных доказательств открытия), человек тем самым признает ограничения своей свободы или, говоря иначе, воспринимает ее как осознанную необходимость. Претворяя научные идеи в технические решения, человек создает материальное царство необходимости (техносферу), построенное по принципу механизма. Таким образом, научно-техническая творческая свобода превращается в свою противоположность. Следовательно, дальнейший научно-технический прогресс не может освободить человека, а лишь еще больше поработит его. Научно-техническая цивилизация есть путь к несвободе, а не царству Духа.

Так на основе идей Бердяева выстраивается логическая конструкция, которая не предоставляет возможности выбора между царством Духа и царством Кесаря: первое остается в умозрении, второе — в реальности.

Такой вывод неправилен. И вот почему. Дело в том, что Бердяев рассматривает научные открытия и технические системы обобщенно и отвлеченно, на уровне философских абстракций. В действительности ситуация не столь проста. Например, открыв непреложный закон всемирного тяготения, человечество осознало его как неизбежность, которой остается только подчиняться. Однако в дальнейшем, познав законы реактивного движения и построив космические ракеты, человек получил возможность преодолеть силу земного притяжения. Это стало проявлением творческих озарений и свободы человека. Значит, знание законов природы позволяет использовать их по своему усмотрению, как бы сталкивая их между собой. И если естественные науки открывают законы природы, то технические озабочены поисками возможностей противодействовать познанной необходимости. В таком случае все зависит

от устремлений человеческого духа. Научно-технический прогресс может удовлетворять и самые высокие творческие духовные потребности и самые примитивные, заурядные — материальные. Впрочем, освобождение от излишних материальных забот в принципе содействует проявлениям творческой свободы, если только кругозор не ограничен мешанскими ценностями.

2. Но тогда встает другая проблема. Механически организованная среда творит «механического человека» с очень ограниченными духовными и гипертрофированными материальными потребностями, а он в свою очередь творит окружающую среду (в быту, на работе, в природе, на отдыхе) по своему образу и подобию, в соответствии со своими представлениями о пользе, добре и красоте. Есть ли надежда на формирование «духовного человека» из техногенного, «механического»? И с помощью каких операций, какой психотехники мыслимо произвести такую метаморфозу?

Пожалуй, насильственную перестройку человеческих душ, тем более в самых массовых масштабах, осуществить невозможно. Тут утопия грозит обернуться массовыми насилиями, террором. Да и возможные результаты весьма сомнительны. На примере нашей страны (или фашистской Германии) видно, как попытки сконструировать «строителя коммунизма» или «сверхчеловека» приводят к самым печальным последствиям.

И все-таки надежды Бердяева на переход от цивилизованного человека к духовному не выглядят полнейшей фантазией. Вновь приходится говорить об излишне обобщенном представлении человечества как одноликой массы. Подобный нивелирующий статистический подход противоречит основному принципу мировоззрения Бердяева: признанию центрального положения конкретной и неповторимой человеческой личности. В обществе присутствуют самые разнообразные психологические типы с разным уровнем интеллектуальности, духовности. А проявить себя и тем более воздействовать на других они могут в зависимости от данных социокультурных условий.

Тип «человека духовного» существовал на протяжении всей человеческой истории, равно как «человек природный» или «цивилизованный» (толкуя эти понятия по Бердяеву), или «гуманный» и т. д. Даже сейчас на Земле «человек духовный» — вовсе не реликт. Так можно определить тех людей — вне зависимости от их профессиональной принадлежности, — у которых сознательно ограничены материальные потребности и безграничны духовные. К этому типу безусловно относился и Н. А. Бердяев.

Список литературы

1. Бердяев Н. Судьба человека в современном мире. Париж, 1934.
2. Вернадский В. И. Проблемы биогеохимии // Тр. биогеохимической лаборатории. Вып. XVI. М., 1980.
3. Мёррей Дж. Океан. Одесса, 1923.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
5. Бердяев Н. Смысл истории. Берлин, 1923.
6. Соловьев В. С. Сочинения. Т. 1—2. М., 1988.
7. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981.
8. Вернадский В. И. Избранные сочинения. Т. 2. М., 1955.
9. Ферсман А. Е. Геохимия. Т. 2. Л., 1934.
10. Баландин Р. О биосфере и техносфере. История и методология естествознания. Минск, 1966.
11. Баландин Р. Планета обретает разум. Биосфера — техносфера. Минск, 1969.
12. Баландин Р. К. Геологическая деятельность человечества. Техногенез. Минск, 1978.
13. Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря. Париж, 1951.
14. Бердяев Н. А. Человек и машина // Вопр. философии. 1989. № 2.
15. Баландин Р. К. Распознавание в природе и природа распознавания. Минск, 1988.
16. Бердяев Н. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж, 1931.
17. Баландин Р. К. Область деятельности человека. Техносфера. Минск, 1982.
18. Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986.
19. Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. Париж, 1939.
20. Бердяев Н. Марксизм и религия. Христианство, атеизм и современность. Париж, 1969.
21. Ницше Ф. Воля к власти // Полн. собр. соч. Т. 9. М., 1910.
22. Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.